

Лу Шанъянь только успел заехать на территорию старого особняка семьи Лу, как дворецкий Чжао поспешил навстречу, чтобы открыть дверцу машины.

— Второй молодой господин, — проговорил он, протягивая руку, чтобы принять у Лу Шанъяня пальто.

— Дядя Чжао, родители уже дома?

— Да, вернулись. Старший молодой господин приехал полчаса назад.

— Хорошо.

Лу Шанъянь прошел в гостиную, где на диване сидели родители. Отец кормил мать яблоком.

— Пап, мам, — поздоровался он.

Чжун Тинсюэ, не отрываясь от экрана телевизора, отозвалась:

— А, Янь вернулся. Тетушка Ван, позови Наньлиня, пора ужинать.

— Разве ты еще не занят на съемках? Почему так долго? Вся семья тебя ждет, — Лу Аньпин недовольно покосился на сына.

Лу Шанъянь знал, что отец просто переживает за проголодавшуюся мать, поэтому виновато пояснил:

— Пап, съемки еще не начались, но сегодня были съемки для рекламного контракта. Я приехал сразу, как закончил.

— Ну конечно, наш Третий господин Лу такой занятый, — в телевизоре началась реклама, и Чжун Тинсюэ обернулась, чтобы подшутить над сыном.

— Мам, — вздохнул тот, — ну и ты туда же, как и все остальные.

Под остальными он имел в виду своих фанатов, которые называли себя производными. А прозвище Третий господин Лу стало их ласковым обращением к нему. В конце концов, если дважды повторить имя Лу Шанъянь, на слух это действительно походило на Третий господин Лу. Звучало внушительно и властно.

— А мне нравится, — с лестницы спустился Лу Наньлинь. В его глазах за стеклами очков в золотой оправе промелькнула редкая улыбка. — Ну что, Третий господин, когда прибудет

следующая партия товара?

— Брат, — Лу Шанъянь был в отчаянии, словно его принимали за главу бандитской группировки.

— Ладно вам, не дразните нашего Яня, — Чжун Тинсюэ встала с дивана и направилась в сторону столовой. — Раз все собрались, давайте ужинать.

Семья из четырех человек заняла свои привычные места. Лу Аньпин, как обычно, наполнил тарелку жены и положил ей лучшие кусочки. Братья, давно привыкшие к этой картине, молча занимались своим ужином.

Лу Наньлинь, съев ложку риса, не спеша начал разговор:

— Завтра я улетаю в страну А. Есть проект, требующий моего личного присутствия. Рейс в десять утра, пробуду там три-пять дней.

Лу Аньпин, чистивший креветку для жены, даже не поднял головы:

— Сам решай, как будет лучше.

Три года назад, когда Лу Аньпин оставил пост председателя группы Лу, управление перешло к Наньлиню. С тех пор отец перестал вникать в дела, считая, что нет ничего важнее заботы о жене. Именно благодаря тому, что делами компании заправлял старший брат, Лу Шанъянь мог позволить себе полностью посвятить себя актерству.

— А я послезавтра отправляюсь на съемочную площадку. Съемки продлятся около трех месяцев, — добавил Лу Шанъянь.

Остальные отреагировали спокойно, они привыкли к его работе.

— Правда, в этот раз фильм с двумя главными мужскими ролями.

Он решил сразу предупредить родных, чтобы они не узнали об этом из интернета. Лу Аньпин на секунду замер с креветкой в руках, но тут же продолжил свое занятие. Чжун Тинсюэ, проглотив кусочек, спросила:

— Сценарий хороший?

— Да, свежий, цепляющий. Действительно редкая находка.

Чжун Тинсюэ вспомнила, как недавно сын говорил, что хочет выкупить права на один известный сценарий. Видимо, речь шла именно об этом. Лу Шанъянь в индустрии уже почти десять лет, он всего добился сам, не афишируя свою фамилию, поэтому мать доверяла его вкусу. К тому же нынешнее кино — не то, что было тридцать лет назад, однополые отношения давно стали нормой для большинства.

— Главное, чтобы ты чувствовал меру, — подытожила она.

— Там есть постельные сцены? — внезапно подал голос Лу Наньлинь.

— Кхм-кхм... — Лу Шанъянь поперхнулся, не ожидая, что брата будет волновать именно это. Он жадно припал к стакану с водой и лишь через минуту пришел в себя. — Этот фильм ориентирован на зарубежный рынок.

Лу Наньлинь кивнул. Все понятно. Будут и поцелуи, и постельные сцены, причем весьма откровенные.

Чжун Тинсюэ наконец перешла к главному:

— Кто твой партнер? Я его знаю?

Лу Шанъянь уже хотел ответить отрицательно, но тут вспомнил фильм, за который Гу Цинянь получил награду. Он усмехнулся:

— Ты его знаешь. Он играл твоего сына в том фильме.

— Моего сына? — Чжун Тинсюэ на мгновение задумалась. Она ушла из кино рано, будучи еще на пике популярности, и почти всегда играла главных героинь. Роль матери... Кажется, только один раз перед уходом, в качестве одолжения, она сыграла мать второстепенного персонажа. — Гу Цинянь?

Теперь удивился Лу Шанъянь:

— Мам, ты помнишь его имя?

— Конечно. У него отличные актерские данные и сам он человек хороший, мне он тогда приглянулся. Но разве он не ушел из индустрии?

Лу Шанъянь кивнул:

— Уходил, но сейчас, кажется, готовится к возвращению.

Чжун Тинсюэ вдруг нахмурилась:

— Янь, если я не ошибаюсь, он ведь предпочитает мужчин? И у него, кажется, был парень?

— Мам, ты что, гомофобка? — прежде чем Шанъянь успел что-то сказать, вмешался Лу Наньлинь.

— Что за чушь ты несешь? — Чжун Тинсюэ бросила на него суровый взгляд. — Неужели ты считаешь свою мать настолько ограниченной? Любовь не имеет статуса, а открыто признать свою любовь к человеку того же пола — это даже заслуживает уважения.

Раз не гомофобка, Лу Наньлинь удовлетворенно кивнул.

Чжун Тинсюэ вздохнула:

— Я просто беспокоюсь...

— О чем? — не понял Лу Шанъянь.

— Я однажды видела того парня, Гу Циняня. У него такой тяжелый характер, очень ревнивый. Помню, во время съемок фильма Не успел сказать спокойной ночи, его парень заглянул на площадку и увидел сцену поцелуя. Гу Циняню потом пришлось долго его успокаивать.

Успокаивать? Лу Шанъянь приподнял бровь. В голове невольно возник холодный, отстраненный образ Гу Циняня. Трудно было представить его в роли того, кто кого-то упрощает или успокаивает.

— Если тебя беспокоит это, мам, то можешь не волноваться, — ответил Лу Шанъянь. — Они расстались.

Так что теперь ни у кого нет повода для ревности, ни к поцелуям, ни к постельным сценам.

— Расстались? — удивилась Чжун Тинсюэ. — Из-за чего?

— Тот парень ушел к Цзян Ляню.

Лу Шанъянь ответил коротко, но всем в семье было прекрасно известно, что представляет собой Цзян Лянь — человек, который думает исключительно нижней частью тела. С ним невозможно построить ничего хорошего.

Чжун Тинсюэ покачала головой:

— Такой замечательный парень, как Гу Цинянь, и такая судьба... Жаль его.

— Ладно, — Лу Аньпин, не выдержав, прервал жену. — Ты вечно переживаешь за других. Давай ешь, остынет ведь.

— Хорошо, поняла, — улыбнулась она и добавила, обращаясь к сыну: — Янь, Гу Циняню сейчас непросто, он только возвращается. Если сможешь, помоги ему на площадке в мелочах.

— Обязательно, мам, — кивнул Лу Шанъянь. Он бы сделал это, даже если бы она не просила.

— А теперь все за еду.

<http://bllate.org/book/21468/2196495>